

Алексей Еремин
*Путешествие из Москвы
в Санкт-Петербург*

Алексей Еремин

**Путешествие из Москвы
в Санкт-Петербург**

«Издательские решения»

Еремин А.

Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург / А. Еремин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740059-0

В «Путешествии из Москвы в Санкт-Петербург» сделан фотографический снимок России от Москвы до Владивостока при короткой выдержке автомобильного путешествия. Показано, как воспринимается страна и её народ рядовым образованным человеком нашего времени. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-740059-0

© Еремин А.
© Издательские решения

Содержание

Москва	6
Москва выходной	7
Отъезд	9
Завидово	10
Торжок	11
Торжок – Дзержинск	13
Дзержинск	16
Нижний Новгород	18
Казань	20
Усадьба	23
Село	24
Кладбище	27
Свадьба	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург

Алексей Еремин

© Алексей Еремин, 2023

ISBN 978-5-4474-0059-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Москва

– Ты действительно едешь? – спросил он без улыбки.

– Да.

– А зачем тебе это нужно, – спросил он строго, глядя в глаза, как мог спросить с наших сотрудников.

Я понял его прямой вопрос, – зачем тебе, успешному и состоявшемуся, нужна эта опасная глупость, чего не хватает, красивая и умная жена, трое детей, счёт в банке, загородный дом и отличная квартира, машина, ужины в ресторанах, абонемент в фитнес-клуб. – И мог бы ответить прямо, – к тридцати семи жизнь свелась к воспитанию детей. Работа ради занятия, ради содержания семьи и положения в обществе, но в основе бессмысленная, ибо сделают её и тысячи других. Семья, крепкая общей любовью к красивым и здоровым детям. Но любовь супругов, верных и преданных друг другу, за 15 лет испарилась. Дружба, общие интересы, сожительство, вот что я говорил жене в слове люблю. Жизнь не была крахом, но не стала и победой. Более того, оказалось, что победа невозможна. Хотелось свершить хоть что-то для себя лично, изменить этот однообразный прожитый год, потому воплотить детскую мечту, – отправиться через всю страну к Тихому океану, – стало надеждой души.

Но такая речь была бы слишком откровенна для нашего приятельства, всеу именуемого дружбой, от того, что мы ходили друг к другу в гости, на дни рождения и иногда отдыхали семьями, потому ответил кратко:

– Устал. А маршрут детская мечта.

Наши дружески-партнерские отношения строились на правиле получил – расплатись. Потому за дружеский подарок в два месяца отпуска, ожидаемо получил предложение отработать неделю в Екатеринбурге, пару дней в Нижнем Тагиле и, возможно, где-нибудь по дороге.

Мы с Виталием выпили в моем кабинете по бокалу за решение, которое далось нелегко нам обоим, и домой меня отвез водитель.

Москва выходной

Я не предчувствовал беды, но хотел, чтоб дети запомнили этот день.

Резал помидор на дольки, пластал сыр, белый хлеб, в микроволновой печи грел молоко в чашке с парой дымчатых полосатых котят, сидевших на кромке, опустивших хвосты на дно. Жена крикнула из комнаты про бутерброд с паштетом, сын о кружке воды. Пришли девочки и стали накрывать на стол, из шкафа подал младшей в протянутые пухлые ручки коробку хлопьев с белым улыбающимся медвежонком, бурчала машина, переваривая кофе, левую руку, придерживавшую батон на деревянной доске, грело тепло от сковороды с яичницей, с переполненными кратерами желтков для взрослых и извилистыми раскаленными ручьями в дрожащем белке на половине для детей, отрывисто пищал таймер в микроволновой печи. Эти ощущения и мысли, изначально ничтожные, в душе раскрывались, как раскрываются комочки бумаги, брошенные на воду, в цветы, дома, корабли, в чувство любви к ним всем, в нетерпение прогулки, ощущение голода и предвкушение утоления, – соединялись в прочувствованное осознание счастья.

Центр Москвы, преображенный субботним утром из суетливой деловой столицы, забитой машинами и толпой спешащих нетерпимых людей, в тихий провинциальный город, с тенистыми бульварами, уютными кафе, пустынными двориками, шаркающими одинокими взмахами дворничьей метлы, с перезвоном колоколов монастырей и приходских храмов. Уже внутренне похороненная под новостройками домашняя Москва неожиданно оживала. Сохранилась моя любимая столица империи, уютная, в которой в соседстве с величественными постройками я видел душу Москвы. Да, вдоль тротуаров выстроились машины, да, там и здесь из-за крыш блестели на солнце стеклянные башни новостроек, но я чувствовал жизнь истинной Москвы и старался вдохновить ею детей.

Все так же стояли старинные дома, часто с новыми окнами, богатыми дверьми, словно красивые детские тела, татуированные, увешанные серьгами и перстнями недалекими родителями, в вывесках, как в пышных бантах или цветастых заплатках, но – прежние, трехсотлетние, столетние, объединенные временем в едином фасаде. Сохранились бесчисленные переулки, что текли как весенние ручьи между потоками главных улиц. Мы блуждали, заглядывали во дворники усадеб, за церковные ограды, в туннели арок в домах, терялись в узких дорожках, тупиках.

«Как в гостях у дяди Петра», – говорила старшая дочь, и я улыбался ее узнаванию; в первом этаже жёлтой двухэтажной усадьбы портик парадного входа с угловыми розовыми колоннами, с чугунной паутиной ограды балкона на крыше. Над каждым окном фасада лепная голова лохматого бога-ветродуя с надутыми щеками и волнистыми прядями в порыве отвердевшего воздуха.

«Смотрите!» И мы смотрели, как над подъездом, в глазированной салатовой нише, стоял бетонный рыцарь в латах и шлеме, опираясь руками на крестовую рукоять длинного двуручного меча. А я обращал внимание, как в рядовом пятиэтажном доме, окна в каждом ряду в особых каменных рамах.

«Как на даче» говорила маленькая, и мы останавливались перед дощатым домом со скворечниками застекленных чердаков в металлическом скате крыши и просторным прозрачным фонарем над деревянными перилами крыльца.

В невзрачном здании, под каждым зарешеченным пыльным окном – побеленная арфа в глубине овальной тарелки, – и мы гадали, здесь жил музыкант, профессор Консерватории, композитор, или певица из Большого.

Рядом церковь из совсем иного мировоззрения, краснокирпичная, в белокаменно очерченных карнизах, пилястрах, окошках, вратах, словно праздничный народный женский наряд;

где красные шатры колокольни, крыльца, двускатная крыша парадной лестницы, кубический храм, под холмом кокошников и налитыми золотом крупными луковицами пятиглавья, кубик придела с худосочной главкой, не объединены геометрией прямых линий, но как скучный знакомый с рядовой внешностью, вдруг, вдохновенной идеей перевоплощенный в иное существо – сильное, страстное, не заключенное в скромных чертах лица, будто пейзаж, единый, но неохватный взглядом.

Усталые, долго обедали в русском ресторане, жарким весенним днем с удовольствием ели окрошку на домашнем квасе и блины с вареньем.

Пообедав, пошли в Кремль. Как и прежде, у касс было многолюдно, так же сурово и внимательно смотрел Спас с купола Благовещенского собора, те же любимые старые иконы стояли в Успенском соборе, такой же застенчивой красавицей пряталась Рождественская церковь, но: с Варварки на Ильинку все переулки зарешечены заборами Администрации Президента РФ; в Александровском саду конные милиционеры сгоняли отдыхавших, целовавшихся или читавших на газоне людей, наступая лошадиными копытами; перед вечным огнем натянули цепь, и уже не возложить цветы к могиле неизвестного солдата, если ее не снимут в честь государственного праздника для высокопоставленных лиц; проход к древним пушкам вдоль Арсенала загородили и поставили охранника, со скучающим лицом сторожа, вертящего за петлю черно-белый полосатый жезл; кремлевскую брусчатку, будто арестантские робы исполосовали пешеходные переходы, и люди гуляли колонной, и если шагали в сторону, молодые надзиратели в форме резко свистели, и окрики свистков проносились по Соборной площади к Тайнинскому саду, вдоль Большого Кремлевского дворца до Боровицких ворот, от курантов Троицкой башни до Арсенала и вниз по мосту летели к Кутафьей башне.

Я рассказывал детям о колокольне Ивана Великого, о великокняжеской усыпальнице в Архангельском соборе, фотографировал у Царь-пушки, а нуждался в супруге, чтоб разделить с ней мысль, – режим *всегда* проявляется в мелочах!

Вечером быстро шагал дворами к метро, где ещё работала дежурная аптека, – купить лекарства в путешествие и детям на дачу.

Шёл мимо осевшей без колёс машины. Во вмятине на капоте, как в гнезде, спал, свернувшись, серый котёнок. Через паутину битого лобового стекла посмотрел в салон без передних сидений, – на полу валялись тряпки, бутылки, на диване одеяла – логового какого-то существа. Навстречу шли по одному, по-двое-трое мужчины в темной одежде. Кто на всю улицу разговаривал, кто шатался, угрюмо глядя перед собой, кто ступал вальяжно, подпитывая покой из пивной бутылки.

Алые кроссовки на ногах, очки в золотой тонкой оправе, красная футболка, дорого прочерченная автографом дизайнера, белоснежные брюки. Я чувствовал, что все что на мне и я сам, неприятно рябит в глазах мужчин, одетых в разную, но неуловимо темную одежду, чувствовал, как взгляды, словно ножи, кололи меня в бок, в лицо, в спину.

Тенью метущихся на ветру кустов, в душе носилось волнение: предчувствие, или тень прожитого?

Вдруг неоткуда понимание: «Не надо туда ехать!»

Отъезд

Дома спали, когда будильник расковырял сон. В наполненной светом кухне я смотрел на повисшие за окном стол со стульями и себя с поднятой к лицу чашкой. Остро захотелось ещё раз увидеть детей, проститься с ними, но будить их было бы злом. Мы поцеловались с женой, вставшей проводить меня. Я взял рюкзак и вышел к лифту в подземный гараж.

Сыто урча дизелем, «Ленд Ровер» мчался по пустому проспекту, а навстречу мне, из-за холма поднималось солнце, подтекая ручейком автомобильных фар. Перевалив холм, помчался по равнинному пригородному шоссе, а впереди в ночи ширилась полоска света; стали проступать заправочная станция, забор перед рядом домов, стволы сосен. Так же медленно, словно возрожденные эликсиром письма, проступала радость, от безумного, но необходимого свершения.

Завидово

Полицейский, из двух опухолей живота и зада, колыхавшихся на торопливом шаге, с фуражкой на затылке, сдвинул жезлом с трассы на пыльную обочину мой автомобиль, в колонну автомашин, очистив путь для вельможи. В очереди на противоположной обочине скорая помощь в кроваво-мертвенно-белом раскрасе смиренно стояла в ряду, молча сверкая сигнальными огнями. Врач в белом халате пошел к полицейскому, но тот запретительным черно-белым жезлом загнал его обратно.

Я включил громко ударную музыку, пустил из кондиционера холод в лицо, но ничто не сдержало навалившуюся апатию, словно я был мяч, ладный, упругий, который от удара лопнул и полетел, теряя скорость, наконец закувыркался и шлепнулся о землю дырявым бесформенным телом, или утка, стремительно вспорхнувшая, набиравшая высоту частыми ловкими взмахами крыльев, а через мгновение, подбитая выстрелом, безжизненно падающая вниз.

Пронесся с воем бело-голубой «Мерседес» полиции, плюнув в стекло раздавленной лужицей, так что лицо мое отпрянуло от стекла, как от пощечины. Проехал черный лимузин, собравший в непроницаемых стеклах сотни машин, стоящих покорно на обочине.

Тело офицера полиции из двух разнонаправленных сфер, которое, казалось, раскатится в стороны двумя шарами, вдруг вытянулось стройным гренадером, рука четко отдала честь, плеснув синим потным пятном под мышкой на голубой форменной рубашке, и мгновенно оплыло, словно весенний снеговик.

После Завидово асфальт стал похуже, но на свободных участках удавалось разогнаться до 130 км в час.

Объезжая Тверь, терпеливо ехал за фурами по однополосной дороге, на реверсной полосе успевал обогнать рывком две-три машины, и вновь вставал в колонну до следующего расширения трассы.

Торжок

Под внимательным взглядом инспектора съехал с автострады в Торжок. Знак ограничил красным кругом скорость 40 километрами в час, но ехал медленнее, объезжая ямы и трясясь в трещинах. Дрожа в глазах, медленно проезжали пятиэтажные серые дома, длинные стеклянные витрины магазинов в первых этажах. Боковой улицей открылся дворик с голубым слонем, будто отставшим от цирка, и снова одинаковые постройки, как в капле бактерии тысяч безликих окраин.

Свернув, проехал площадью, оправленной в фасады двухэтажных старинных домов в торговых вывесках, с толпящимися покупателями, с высокой, на подклете желтой церковью с колокольной, дальше улицей ветхих особняков, – словно невыразительное лицо средних лет сменил дряхлый, но благородный старик.

Поселившись, сошел в ресторан, но прочнозапертая дверь туго упрямылась табличке с часами работы. Пожилая уборщица из милых женщин, которые не докучают, но, увидев затруднение, бескорыстно и легко помогут, объяснила, что ресторан, видимо, обслуживает специальных людей, и сказала, где лучше поесть. К крыльцу подъехал вороной автомобиль с затемненными стеклами, мужчина в льняном костюме вышел, подал руку женщине в легком летнем платье. Оглянувшись по сторонам, они торопливо скрылись за дверью, предупредительно распахнутой их шофером, а на втором этаже глухие кремовые шторы пропитал предупредительный электрический свет.

С пешеходного моста смотрел на быструю Тверцу, где как перебирают пальцы клавиши фортепиано, струились витые канаты потоков, искря на солнце.

На набережной особняк; в стеклянном мезонине пышные складки римских штор, на переносице остроконечной крыши парадного крыльца, вознесенной коринфскими колоннами, – монокль спутниковой антенны, у белокаменных ступней лежит черными догами пара породистых автомобилей. Отгородившись общей оградой чугунных копий в свежей побелке старинные особняки гостиницы, ресторана, партии «Единая Россия» и нескольких уважаемых людей; так лукавый торгаш, выставив напоказ начищенные до блеска образцы сапог, хочет сбыть интенданту тысячи рваных и дырявых пар; левее, вверх по холму, в зелени кустов длинная обгорелая стена с торчащими стропилами, ступенью выше дощатый барак, с ржавым скатом крыши, на вершине из крон тополей тускло светит купол собора без креста, – алюминиевая истертая миска, рядом серая колокольная с пустыми проемами, левее – двухэтажный дом, – четыре высоких окна в тельняшках досок; – будто вышло несколько разодетых дворян в летних белых платьях и кителях в толпу ободранных нищих.

Обедал в кафе «Юрвес», кирпичном одноэтажном здании у дороги. Посредине столов зала стеклянный потолок подпирал ствол дерева под бронзу с мигающими стеклянными камнями в коре. На высоких стульях за барной стойкой выпивали двое парней, им смеялись официантки в белых блузках и черных жилетках. За столами ели по двое-четверо люди. Я медленно кушал незаметную еду, пил вкусный брусничный морс, думал, что с детьми хорошо проехать по маршруту Тверь-Торжок-Волок-Ламский, а здесь остановиться пообедать. За стойкой смеялись официантки, иногда относили, цокая каблуками, подносы, а двое парней выпивали больше, хохотали громче, словно дикобразы в мягкую тишину обеда, голубиное воркованье разговоров, подчеркнутое перезвоном столовых приборов, тарасили колючки матерных выкриков. За чаем смотрел, как шутейно стучали друг другу в плечи здоровыми кулаками парни, матерно уточняя имена, хохоча спорили, кому оплачивать счет.

Прогулялся по городу, застроенному старинными купеческими особняками и церквями. Понравилась деревянная церковь, многоярусная как китайская пагода, на высоком обрыве над Тверцой, откуда виден весь город.

В гостиничном номере я разложил на полу карту, книги и раскрыл блокнот маршрута в айфоне.

Разработка путешествия в Москве, как промывание золотоносной породы, приносило крохотки драгоценных открытий, а на карте появлялись новые остановки в пути. Вдохновляло, найденное в редких мемуарах, описание дворянского гнезда в Татарстане, больше четырех столетий принадлежавшего одному роду. В начале XX века там был усадебный дом, ворота, мельница, а главное «каретный двор непередаваемого вида, мужицкой работы, но так ладно и красиво рубленый, что загляденье» и «планированный парк, пруды, беседки, стриженные ели, все задумано на широкую руку».

Волновало добраться до городка Албазин на китайской границе, увидеть остатки острога 17 века. Еще хотелось в село к отцу, а главное, навестить могилы бабушки и дедушки. Мечталось пожить несколько дней в глухомани на берегу Байкала, добраться до Сахалина и обязательно искупаться в Тихом Океане.

Торжок – Дзержинск

С утра был зол.

Зол, что плохо спал с неугомонными мыслями о путешествии.

Зол, что из упрямства забрался в Тверскую область, хоть Петр заранее сообщил, что конференцию в Твери ему заменили на саммит в Юго-Восточной Азии.

Зол, что выехал в Нижний Новгород кривоезжей дорогой через Рыбинск, Ярославль, чтобы не возвращаться в Москву.

Но дорога вбирала в себя.

Как у бегущего мальчишки, вдруг, силы начинают прибывать, прибывать, и бежать все легче, веселее, и появляется, ширится, растет удовольствие от самих движений бега, – так вдруг появилось и стало заполнять сознание наслаждение.

Наслаждение тем, как автомашина мчит по шоссе и незнакомые, новые и новые лесные пейзажи вливаются через лобовое стекло.

Наслаждение, как с гудением в приоткрытом окне ветер со свистом обжигает щеку, выбивает слезу, пахнет хвоей, горячим асфальтом, испарениями нефти.

Наслаждение, что смог своей волей остановить однообразную жизнь и решиться на поездку.

Наслаждение, что остался наедине со своей судьбой.

Наслаждение.

Проезжал Углич; вспоминалось, как мы с детьми дождливым летом приплыли на теплоходе, в куртках с капюшонами гуляли по городу, и тогда маленькая младшая сидела в коляске под дождевиком, словно в полупрозрачном яйце цыпленок, и смотрела на мир круглыми голубыми глазами через круглое окошко под её круглое полное личико; как выхватывал взгляд из густой зелени парка белые, красные соборы, как крупные пионы в густой траве, и эти удивительные названия Огнева Гора, Дивная Церковь, Михаил Архангел на Бору, Дмитрия на Крови, где одно емкое слово побуждает сочинять легенды.

В Рыбинске проспект Ленина перешел в Крестовую улицу, вдоль проезжей части выстроились старинные трёхэтажные особняки, дома с колоннами, окнами в пышных лепных рамах, над крышами загорелся купол с крестом, а впереди вырос исполинский желтый собор с высокой колокольней. У моста я развернулся, проехал обратно мимо двухэтажных торговых рядов – нарядных, в чистых окнах, в свежей побелке, свернул к Волге, вышел из машины в тыл главной улице – квадратные окна торговых рядов заложены красным кирпичом, стены рыжей штукатурки в бурых пятнах, как простыни у немощных стариков, лежащих без присмотра в больничной палате, в узких арочных окнах второго этажа битые стекла, вдоль ржавой крыши тянется почерневшая гнилью, когда-то белокаменная лепнина.

Я прошелся по Крестовой улице, которая для Рыбинска Невский Проспект, Московская улица Владимира, выпил вкусный кофе с выпечкой и поехал дальше. И даже то, что в Иваново на объездной дороге сплошь и рядом лежали ямы, и даже то, что свернул не на Нижний, а куда-то в сторону Коврова, не испортило приподнятого настроения.

Я не спеша ехал по дороге, вдоль забора рынка. Краем глаза заметил какое-то движение в узком проулке и тотчас «Ленд Ровер» потряс удар. Машину повернуло, я затормозил. Черный «БМВ» вмял мне задний бампер и крыло над колесом. Из машины выскочил и подбежал ко мне подросток, размахивая руками что-то кричал, дергал за ручку двери. Я опустил стекло: – вместе с сильным запахом алкоголя в салон полезли матерная брань, угрозы, предсказания наказания. Дав ему выговориться, спросил, сам ли он вызовет дорожную полицию или мне позвонить? Он пообещал людей, после которых мне нужна будет не полиция, а кладбищенские гробокопатели. Закрыл окно, решил не выходить из машины и вызвал полицию.

Однако появилась не полиция.

Торжественным выездом средневекового феодала подъехали белое купе «Мерседес» и огромный черный внедорожник «Линкольн» с надписью «Частное охранное предприятие «Вера и честь». На обочину вышли белолицые, светловолосые, коротко подстриженные парни в черных брюках и футболках, в белоснежных португелях под пистолеты, округлые, словно накаченные воздухом манекены. Из «Мерседеса» ко мне подошел высокий мужчина в белоснежном костюме и черной рубашке с расстегнутым воротом, в котором в седых волосах искрил бриллиантами золотой крест, звонко постучал крупным зеленым камнем массивного золотого кольца. Запереться значило показать, что я боюсь, признаю себя слабейшим. С такого рода людьми это непозволительно, и я вышел.

– Значит так. Мальчик, который въехал в тебя, – мой сын. А я – хозяин. Хочу чтобы ты это сразу понял, москвич. Глава района – мой человек, ты вот заправился – на моей заправке, купил жвачку – в моем магазине, потому что управляющий никогда бы не открылся, никогда бы не получил землю в аренду, не оформил согласований, не подключился к электричеству и канализации, кстати и водичку ты пьешь, которую разливают на паях со мной, потому что здесь даже дырку в земле без меня не сделать, толчок не поставить. Мы с тобой на дороге, которую проложил сельсовет для меня, потому что мне нужен подъезд к моему рынку, мой парень помял тебе крыло, а оформлять приедет руководитель районного ГИБДД, потому что он начальник с моей просьбы, и к мировому ты пойдешь моему, точнее к его тетке – моей сестре. К чему говорю. Ты не бойся, москвич, тебя не тронут, – наверно, – но тебе надо исчезнуть. Ты должен понимать, что авария приключилась напротив рынка, людишки видели, как ты врезался в моего парнишку, потому что они мои арендаторы. Извини, москвич, ничего личного.

Я чувствовал себя резиновой игрушкой, брошенной бойцовой собаке, которая играет, – пока; чувствовал бродягой, которого травят псаи на боярском подворье за то, что нарушил границу поместья.

Я взволнованно думал, как грамотно отказать. Во-первых, уехать – совершить правонарушение – дать джокера в его расклад и без того полный козырей. Во-вторых, работая с такими предпринимателями, знал, что сразу принять условия, значит показать слабость, – так волк, почуяв раненое животное, будет гнать, пока не убьет, – в моем случае, пусть и с ничтожной вероятностью, все может закончиться неопознанным трупом в лесном пруду.

Потому ответил с улыбкой, что и охрана в черном внедорожнике, наверняка работает в предприятии, которое ему принадлежит (чтоб показать, что я понял его силу и свою ситуацию, но не напуган), и претензий к его сыну за мятое крыло не имею, но хотел бы, чтоб его полицейский (повторить, что вижу его власть) оформил происшествие как должно по закону.

– Закон здесь мой. Вижу москвич, не хочешь ты по-хорошему расстаться, будет тебе плохо, – сказал он глухо.

И замолчал, выжидая.

Я трудно сдерживал предательские оправдания, надеясь на его разумное решение.

– Что ж, не хочешь по-хорошему, – подтолкнул словами, как подталкивает в спину острием ножа вор.

Здесь мне нужны мирные слова, чтоб не столкнуть его в раздражительность, и я ответил, что мне бы хотелось оформить все протоколом и разъехаться.

– Ладно, москвич, – сказал он, – и я понял, что все закончилось для меня убытком в мятое крыло.

После составления протокола, в котором волшебным образом преломилось время, последовательность событий, испарились пары алкоголя и со страниц проступила обоюдная вина водителей, подобно тому, как проступает со страниц древнерусских летописей Ярославичей бесспорная вина полоцких князей за сожжение их городов, разорение округи и изгнание с родины.

На автомагистраль Москва-Нижний Новгород я выбрался в темноте и наконец поехал быстро, обгоняя попутные машины, предвкушая сон.

Дзержинск

Выхваченный из тьмы белым светом в левой полосе передо мной еле ехал, перекошенный на бок дряхлый автомобиль, впечатав де234ф в мои усталые глаз. Я все ждал, когда же он свернет, и раздражение от того, как он едет по ограничивающим знакам провернуло руль вправо, вдавило педаль и я с наслаждением почувствовал ускорение, как застывший неподвижно натурщик разминает затекшие члены.

Впереди, как в театре на белой занавеси фар выскочила марионеткой тень, дернулась вперед, после бросилась к обочине. Мое тело приподнялось на одной ноге, давившей тормоз. Я опустил боковое стекло, напряжение стремительно взлетало к яростному крику, когда в машину пролезло рекламное, выставленное на продажу женское лицо:

– А не подвезете девушку? Или желаете развлечься?

– Нет! Что ж вы не видели, здесь нет перехода!.. А куда подвезти? – И узнав, что рядом город Дзержинск, а до Нижнего час ночной дороги, я по её ярко алому ногтю с облупившейся краской съехал с шоссе на дорогу и увидел перед собой перекошенный на бок де234ф.

– Вот вы из Москвы, по номерам вижу. Я в Москве работала тоже, с девочками на квартире. Большой город, но не понравился. Торчим на хате целый день, клиентов ждем, делать неча, то пьем, то шишку курим. То скучно, то проблемы какие – я там скурилась – клиент приходит – мне сосать, извините за слово, а я никакая – мне хорошо – а ему-то. Весь день как в тумане. А здесь дом рядом – нужны деньги – работаешь, а денег не сильно меньше, там квартиру плати, охране отдай. Товарку мою, Маслову, вот так машина сбила как ваша, тоже «Ленд Ровер».

Я вздрогнул и мурашки посыпались по спине.

– У неё две дочки, одна восьми месяцев, вторая год и девять. Их дома оставила, сама пошла на трассу работать. Она с мужем разошлась, одна с дочками жила, любила очень, еду покупала хорошую, игрушки, одежду дорогую. А на пособия государства не протянешь, ходила на трассу работать. Мамка моя с ней в одном подъезде живет. Катька пропала, потом милиция приходит к моей матери понятой чтоб, а там две девочки в детской кроватке мертвые от голода. Младшая калачиком у старшей в ногах свернулась, старшая её одеялом накрыла, голову обняла. Как два ангела спят. Крошка которая, пальчик во рту почти съела, кровь на лице. А старшая обнимает её за головку, и тоже мертвая, а как спят. Здесь налево. Катька никому не сказала, что детей одних оставила, на часик наверно пошла, может деньги кончились, её убило. А кому какое дело? Ментам забота со шлюхой нянчиться, опознали труп и ладно. Отец пару раз зашел – не открывают. Соседям все равно, покричали и успокоились дети за стенкой. А деду с бабкой они кость, шлюхины дети. Вот здесь у светофора. Если б хозяйка квартиры не пришла в милицию, что плату ей не вносят, может год пеленашек не нашли. У магазина остановите. А вы ехайте прямо, на площади гостиницу увидите.

Зубы разжались, кровь теплой слезой согрела кожу.

Где же гостиница? Две девочки умерли от голода в центре города. Паспорт? В сумке. Два ребёнка кричали, плакали в пустой квартире и никто не пришел. А потом легли в кровать и умерли вместе. Что чувствовал двухлетний ребеночек, когда сестра не двигалась и похолодела? Она укрыла её одеялом и прижала к себе. Да все правильно. До завтрашнего дня. Старшая уходила на кухню набрать воды, а младшая ползла следом, крича от жажды и страха. Малышка съела свой пальчик, который привыкла сосать вместо соски. Дети орали, плакали, звали маму, стучали в запертую дверь несколько дней. Но никто не захотел их слышать. А после, легли в кровать, обнялись и умерли. На третьем этаже. А если неправда? Мой номер. В Интернете сейчас посмотрю.

Поздно проснувшись в белый потолок, я уже знал, как проведу день. Позавтракав, оставил вещи в автомобиле и впечатал подошвами Дзержинск в память. Я выискивал нищету, вырождение, убогость, хоть крошечное оправдание. Но город был не хуже, даже лучше многих. Просторная площадь Дзержинского, где я ночевал в гостинице с приятным именем «Дружба», где сидит на лужайке в цветах забавный блестящий на утреннем солнце металлический павлин, где у строя елей стоит памятник стороннику красного террора и института заложников. Проспект Ленина с мощными прочно стоящими домами, проспект Чкалова, улица Горького.

Навстречу шли мамы, вели, еще неумело шагавших малышей за ручку, – думалось, что две умершие крохотные девочки должны... – мальчик, – на футболке черного крепа как три желтых цветка, три забавных обезьянки – одна закрыла глаза, другая рот, третья уши.

Нижний Новгород

В Нижний Новгород вползал в пробке, что, как всегда, на въезде стояла между стеклянными павильонами автосалонов. Долго ждал на светофорах, ехал то знакомой площадью Московского вокзала, то мимо незнакомых торговых центров, новостроек, к отелю «Easy Room», в первом этаже высотного жилого дома.

Поставив машину на платную стоянку, я с удовольствием принял душ в чистой душевой кабине, подключил ноутбук к бесплатному вай-фаю, поговорил по скайпу с женой, радуясь её красивому лицу с печальной улыбкой, посмотрел новости, ответил Елене – она спрашивала, выехал ли я, зашел на сайт «Одноклассники», увидел улыбающееся лицо Тутолмина, написал ему письмо с вопросами о жизни.

Словно вчерашний день, разбитые дороги у Коврова, хозяин со слугами, умершие от голода дети, – все было в другой стране.

К Кремлю шёл то Большой Печерской, то улицей Минина, вспоминая город, радуясь ему и огорчаясь, как за старинными деревянными фасадами с резными карнизами, целыми резными панно над окнами, за каменными особняками в кружевах лепнины, возвышаются многоэтажные дома, словно надсмотрщики, или встают рядом, разрушая умиротворяющую старину, как золотые коронки, нарядно вставленные между белыми зубами.

Азиатская улыбка улиц.

Туристические автобусы вдоль кирпичных стен и башен Нижегородского кремля. Памятник Чкалову на постаменте, а внизу – огромный волжский простор, с зелеными вытянутыми по течению островами, белыми корабликами. И какая-то непонятная гордость, что это – Родина.

Серое интересное здание в стиле конструктивизма в Кремле. Восемьсот лет назад на этом месте стоял белокаменный собор. Но через 150 лет его разрушили, потому что нужен был символ могущества независимому Нижегородскому княжеству. Величественный собор украшали, здесь молился Иван Грозный, похоронили национального героя Минина. Но через 300 лет царь за спасение России одарил нижегородцев новым собором, а старый разобрали, потому что заброшенный, грозил обрушением. Еще через двести лет император Николай очень любил Нижний, и из лучших чувств развалил прежний собор, чтобы поставить более красивый и нарядный. А серое здание ветшает...

Каждый раз надо, надо, надо, пожертвовать прошлым, собрать все силы, чтобы воплотить насущную идею. Ломать и строить. Не застраивать, а повторять одно и то же – ломать и строить. Какая чудовищная грустная сила.

Обедать пошел на Верхневолжскую набережную в ресторан «Минин и Пожарский». Так же как и раньше здесь уютно, вкусно, такие же предупредительные официанты, как и тогда, несколько лет назад, когда мы объединились с Виталием, он купил мою маленькую компанию, я получил часть акций его большой, мы стали партнерами и благодаря его связям заключили крупный контракт с нижегородскими энергетиками. С него я достроил загородный дом и купил квартиру. Тогда я мотался из Москвы в Нижний чуть не каждые две недели, то сам за рулем, то с Сергеем. Выезжал в мороз, затемно. Оснеженные красные стены Кремля в желтом свете фонарей. Покрытые снегом остроконечные шапки башен. И темный, обдуваемый ветрами Чкалов на высоком постаменте в бледно-желтом рассветном небе, словно одинокая фигура в комнате с тусклой лампочкой.

А потом вспомнилось, как с Петром в Великом Новгороде ждали его жену, он тогда уже был женат и работал, а я студентом путешествовал на каникулах. Было так холодно, что мы переминались, схваченный морозом утопанный снег буквально визжал под ботинками, а морозный воздух глотался как ледяная вода. В конце улицы стояла освещенная ярким зим-

ним солнцем белоснежная одноглавая церковь Спаса Преображения. И от нее к нам по снежному тротуару шли парами и тройками молодые девушки, и их розовые от мороза лица в капюшонах, опушенных мехом, были поразительно все красивы. Было так хорошо, просто так стоять вместе и молчать. Так же хорошо, как сидеть теплым вечером на Верхневолжской набережной на скамье и с высокого берега смотреть как проплывает по темной Волге ярко освещённый многопалубный теплоход, а в воде косяком тропических рыб ему следуют отсветы огней.

Казань

С нижегородского нагорья узкая полоса дороги пошла вниз. Когда удавалось разогнаться, машину трясло на ухабах, после она вставала в очередь за виднеющейся впереди над крышами машин фурой.

День как березовая кора; солнечный, но тёмными пятнами находили тучи.

В лобовое стекло слепило солнце, в зеркале заднего вида перебежали шоссе призраки столбов.

Заправился под Нижним Новгородом. За кассой стояла такая женщина, что воспоминание о ней снова и снова оглаживало чресла.

Музыка бурлила юностью в груди, я ускорял и ускорял машину, обходя в несколько сильных гребков автомобиля потока, и мчался по пустому шоссе.

С одной-двумя машинами мы соединялись в пары, в звенья и обгоняли попутные караваны, пропуская друг друга вперед, уступая место в колонне спрятаться от встречного автомобиля, и выходили на затяжные обгоны по встречной полосе. Кто-то отставал, кто-то уходил вперед, соединялись новые пары, мы неслись по трассе, тормозя перед полицейскими засадами, просвеченными сигнальным светом фар встречных автомашин, иногда вставая в длинные очереди вдоль сплошной линии разметки узкой полосы ремонта дороги.

В Чувашии появились радиoproграммы на нерусском языке, вскоре пошли названия населенных пунктов и рек на двух языках.

В Татарстане небо затянуло тучами. Застрекотал дождь. Под мостами вдруг на мгновение наступала тишина, вечерело, и снова светился пасмурный день и стрекотали капли миллионами насекомых крыл.

В Казань въезжал тоскливо, в заторе. Перед глазами транспарантом оранжевые немецкие буквы тыла фуры транснациональной корпорации. Дождь глухо чеканил на лобовом стекле прозрачные копейки, покрывал зрачок монетами, а через мгновение богатство смахивали щетки.

Навигатор в айфоне, как капризная барыня крепостного, посылал меня то навстречу одностороннему движению, то гнал в объезд по узеньким неровным улочкам, то загонял в глухую пробку, приводил к дорожным работам, перекрывшим улицу, пока я не взбунтовался и по карте не свернул под «кирпич» и не увидел гостиницу «Колви» – здание из красного кирпича.

Прогуливаясь, выяснил, что соседняя улица прооперирована до внутренностей теплоносных труб и под «кирпич» – единственный путь.

Погулял по Казанскому Кремлю с православным собором, светским дворцом и мусульманской мечетью, которые здесь соседствовали идеально, словно родные братья из древних сказок, у каждого из которых был свой особый талант.

С удовольствием поел в ресторане татарской кухни, пышном, как восточный дворец.

Снова пошёл бродить, удивляясь, отчего особенно привлекательными кажутся женщины в платках и длинных мусульманских одеждах, скрывающих фигуру.

Дождь усилился, я укрылся в здании железнодорожного вокзала. В главном зале на длинной скамье кричали и прыгали пятеро детей вокруг толстой мамы. Её спокойное лицо, бесформенное тело, как мякиш хлеба, намоченный в молоке, – неприятное воплощение материнства, – отвращали.

– Мама, держи, – молодой парень протянул ей билеты. Как штурмовая группа, где каждый знает свой маневр, без лишних слов и суеты, старшие взяли за руки маленьких, взрослые разобрали сумки и колонной вышли. Я посторонился к окну и видел, как старший сын брал по очереди на руки детей, целовал и поднимал на вытянутых руках с низкой платформы

в тамбур электрички, после ставил сумки, и поддерживая снизу за руку, помог неожиданно проворно взбежать по двум ступеням матери. Двери захлопнулись, пробивая стекло стуком колес зеленая электричка набирала, завывая, ход, мы с матерью посмотрели друг другу в глаза, и я отвел к ее сыну, он шёл следом и махал рукой.

Чем не доволен? У меня самого трое ещё более шумных детей.

«Какой злой. Чем детишки мои ему не понравились? Шумят, безобразят, так ведь не куклы с выключателем».

Разве я не мечтал, чтоб после первой дочери родилось разом двое сыновей? Разве не молился всему, не клялся, не давал обеты, сжимая ладони между коленями в кабинете УЗИ, где живородный холм её живота просвечивали электронной лампой, разве не обрушилось счастьем известие о сыне и фантомная боль без второго?

«Есть такие, кто без детей хочет жить. Даже каплей не познав этой полной, подлинной жизни! Чем ему не угодили детишки; опрятно, чисто одеты, старший в институте в городе. Злой».

Разве я не рад большим русским семьям, или не нравится, что они не цифры в народонаселении, а живые люди?

«Маша, Маша, не толкай, он первый у окна сел... Садись рядом со мной. Хорошо Ванечку навестили, а в следующие он приедет, отец давно не видел, соскучился. Как все становятся похожи, вот приемыши Аня и Андрей, не скажешь, что не наши, все в одну породу. Даже родной Боренька, если не знать, чужому лучше не родной, чем Андрюшенька».

Она права уже тем, что родила и растит шесть детей, когда ей следить за собой?

«Дети одеты-накормлены, в саду с ними занимаются, школьники в кружки ходят. Не богато, а на жизнь хватит, и от государства пособия, и отец работает. А вот не возьми из детдома Аню, а потом Андрюшу, тогда и Боря не родился. А чем ещё быть занятым? Как этот злой городской, деньги только видеть, не знать, что такое малыши? Чем растить деточек ничего лучше нет. А как не взять Андрюшу или Анечку. Придешь, они крохотки сидят, глазёнки большие и такие до боли серьезные, все понимают, деточки, знают, – их *выбирают*. Глазками голодными без матери-отца смотрят и ждут. Разве можно не взять? Да всех бы забрать, родненьких. Ох, Боженька, кто ж их оставляет, Боже ж ты мой?!» – она прикрыла глаза в слезах, вспоминая лопухого, рыжеволосого веснушчатого малыша, который сидел на пятках, на ковре в кубиках азбуки, и неотрывно, бесконечным взглядом смотрел на неё, когда она забирала Андрюшку. Как же болело сердце, как же не решилась она пригреть сироту. «Хоть прибрал бы кто его в семью. В казенном доме разве хорошо? – Мама, ты плачешь? Мама, мамочка, что случилось? – Хорошо, вспомнила больное», – Боря слез со скамьи и потянул к ней ладошки с растопыренными пальцами «мама, давай поцелуй где болит», – «И я, и я, я в глазик», – сказала Аня, быстро перевернувшись на живот, спустив ноги в проход и ловя одной ножкой невидный пол. Поезд дёрнул, останавливаясь, и дочь, не удержавшись, хлопнулась на попу и заревела. Мама, блестя посеребрёнными глазами, посадила её на колени, и они успокаивались, целуя друг друга в лобик, чтоб быстрее прошло».

Вошел, шум детей в противоположность душевному уединению; поверхностное раздражение. Но вдумчиво; разумная приязнь к большой семье, уважение к родившей и воспитавшей шестерых. Однако искренняя брезгливость; как она опустошила свое лицо и тело равнодушно.

За окном номера в темноте огни. Шум работающих двигателей строительной техники, удары молотков. Поёт мулла. Из темноты сквозь грохот несется человеческий голос, словно зовет идти к людям.

Лежал в кровати и не мог заснуть, выжидал, когда на наживку голой кожи сядут надоедливые комары, с силой хлопал, удовлетворенно чувствуя погибший комочек под пальцами или разочарованно слыша, как удаляется комариный писк. Замирал и думал, прислушиваясь к нарастающему зудению, что уже завтра буду у отца в деревне, но главное, волновался от мыс-

лей об удивительной усадьбе и представлял, как открою её людям, представлял, как тысячи туристов будут выходить из автобусов и гид в мегафон будет рассказывать обо мне, кто заново открыл её миру.

Усадьба

Проснулся к пяти утра. Туалет (сколько можно бурлить воду?!), умывание (раскрыты ледяными брызгами глаза, ресницы от холода жмутся семейками, капли на лице), чай из пакетика (уф, горячий), фотоаппарат (стой, танец с огнем, пойман у бедра), асфальт (не надо гнать), земляная дорога (уже не торопиться? – ось оставить пара пустяков), это здесь! (колотит сердце – придёт или нет? – первое свидание), просека в лесу, слепленные в фундамент кирпичи (остатки ворот? Кучи мусора, ворота впереди!!!); утро в горячке чувств, – больной с высокой температурой, – сознание твердеет, поднимается над жаром, ловит мгновение бытия и тает.

В аллее тополей, поросшей кустами, окопом тропа. Аллея как благополучный в прошлом, ныне опустившийся человек, (элегантный костюм кроил элитный портной, но пиджак уже засалено блестит на рукавах, протерт на локтях, перекошен штопкой, без пуговиц, брюки поросли бахромой). Из прохлады в жаркий свет поля высокой травы. Как в регулярном парке за ровной шпалерой стриженных кустов зонты гуляющих по дорожкам чеховских дам, над высокой травой белые купола борщевиков. Впереди, как подтопленный корабль, ныряет и вздымается в зелени дворянская усадьба. Из окон выплескиваются кусты, с ломаных стен стекают плющи.

Раздвигая траву с меня ростом, шёл вперед; стены углом на меня, словно корабельный нос, то погружались полностью, то всплывали на два дека, пока как выстрел не пробил аромат трав густой запах вони. Я прошёл ещё несколько шагов, отвёл рукой бьющий на сквозняке фонтан куста из угла бывшего подоконника, заглянул на земляной пол в битом камне, сверкнул осколок бутылочного стекла, как в лунном свете, словно яркая фраза с верой в лучшее, и погас в тени жизни. Зажав нос, я обернулся и побежал.

Накануне выжившей аллеей двухсотлетних сосен, скрипя снегом под скрип мачт, мы вышли в снежное поле, где на холме стоял обугленный трехэтажный дворец, с тремя колоннами между окнами до рыбьих костей прогоревшей крыши. Избиты белые колонны до запекшихся ран кирпичей.

– Папа, папа, а почему, а отчего, дома никого нет, почему крыши нет? *Папа, а кто все это сломал, враги?*

Село

После Ульяновска проехал по шоссе еще несколько десятков километров, потом свернул на пустую асфальтовую дорогу, с которой через несколько километров справа увидел село; тянулся застроенный зеленый длинный холм в одну улицу, словно мост между оврагами, после дорога сворачивала на круглый холм, весь покрытый усадьбами и кирпичными четырехэтажными домами, и спускалась книзу, где натекали окраины, как вода.

Неуклюже расцеловались с отцом, с его женой, пожали руки со сводным братом.

Посредине стола на кухне стояла бутылка водки, в тарелке штабель толстых и кротких соленых огурцов, рядом пирамида раскаленных ядер помидор, влажно светившихся, болотце маринованных грибов в хрустальной вазочке, просвеченной солнцем через щель занавесок, положившей ледяные осколки на синие и красные клетки клеёнки, на салатových листьях рассыпан розовый редис с белыми полюсами, чугунная сковорода с золотистым ворохом жаренного щепками картофеля, на блюде сало, нарезанное листьями, с мясной алой каймой, в глиняной миске с низкими бортами, латке, как всегда звала ее моя бабушка, словно загорает на животе турист, раскинув руки и ноги, распластана курица в запеченном хрустящем панцире пупырчатой кожи, по соседству, в блестящей керамической рыбе под румяной растрескавшейся корой сметаны холмы куриных субпродуктов.

Ел с наслаждением. Брат подливал водку. Отец рассказывал, что послезавтра свадьба, женится племянник жены, его крестник, что перед моим приездом закончились дожди, что в совхозе платят мало, кое-кто работает на фермеров, но и у них деньги смешные, а работать от зари до зари, кто в администрации села работает, райцентр все-таки, хорошо платят на газоперекачивающей станции, многие подрабатывают отхожим промыслом, он, например, с бригадой дома строит и отделявает, – в год самое малое два заказа всегда есть, и всем конечно подспорье усадьбы, – есть, пить – все своё.

Как выпили бутылку, вошла жена отца, сказала, что если я не устал с дороги, надо навестить её мать, познакомиться. Отец с братом послушно встали, и я понял, что это некий ритуал, от которого не уйти.

Мы вошли во двор на соседней улице через калитку, пригнувшись под кроной груши.

Она встретила на пороге – низенькая, худенькая как девочка старушка, сгорбленная над палочкой, с круглыми и ясными глазами. Она ждала; был накрыт стол, лежали пирожки, огромная ватрушка, соленья, стояла бутылка зеленого самогона. Мы познакомились, она расспрашивала меня о семье, и неожиданно прямо спросила, не обижаюсь ли я на то, что отец уехал из Москвы, от меня, после развода с мамой обратно в село, женился здесь снова на её дочери. Я честно не обижался, да и бывал здесь каждое лето, в соседней деревне у дедушки с бабушкой. Она сказала не пустословно, а очень точно, что люди они были добрые и справедливые, если где какая неправда, завсегда стояли за правду. И этими словами она мне очень понравилось, не столько тем, что сказала хорошо о них, сколько тем, как точно выразила их сущность.

Говорили долго, но общая беседа, как наносные породы, растворилась, а остались, как несущий гранит земной мантии, только рассказы старухи.

Старуха говорила, что приходили жених и невеста к ней, – как голубки, сердце не на радуца гляючи. Видно как не налюбуются, прям ангелы небесные. А старшу-то жалко как. Сгубила она себя. Мать то егойная, теща-то, халда, халда и есть. А сам он, сам-то как боров и глядит тако, срам один. Эх, сгубила она себя, внученька моя. Говорила ей, не ровня он тебе. А что свадьбу-то послезавтраво с утра прямо? Я то как ревела, када замуж выходила. Хоть и к любому, а из деревни родной то уезжать в дом чужой! Тут-то отец с матерью полюбят-приголубят. А пожили мы всего ничего, и война началась. А я брюхата и у меня Гришка малой. А щастлива я, что вернулся муж домой. Вот как. А сколько поубивали, Боже ж мой. Село пусто

стояло без мужиков, бабы, да детишки, да старики. А как могли-то, весь день-ночь работай, когда спали-то, не знаю. А конопляник свой, праздник не праздник – работаешь. Усады не возделаешь – не проживешь. Тыквой одну усаду садила. Так тыква почитай до новой лежала, ей много спасались. А так на фронт все шло, и хлеба, и картошку, все выбирали дочиста. Хлеба не было, по трудодням-то крохи давали. Корова была – продали хлеба купить. Коза выручала, да кура-мать. Картошку прошлогодню скопашь, с крапивой сваришь, весной и ешь. Гришку пошлю, он кисленки наберет с ребятами, я просушу, смолочу и с мукой лепешку спеку. Гришка с голоду опух, живот надулся, ходит как беременной. И смех и горе. А работала с утра до ночи, коли спала не пойму. Скресенье, не скресенье – работаешь. В Октябрьску, на Пасху, на Петров день и на Перво мая не работали, а то и не отдыхали, как погода. А лошадей то забрали, и мы с бабами да с председателем пахали заместо скотины. Мать заболела, как на отца похоронка пришла, так слегла. Я к ней на пол дня спросилась, а то как же. Сперва подвез один, после с животом сама шла. Сестра моя старша мать к себе прибрала, тем и выжили. А сын у неё Ленька большой такой был бутуз, красивый. Как корешки есть стали, объелся с голодухи с ребятами в лесу да помер. Ох, горюшко-горе. А сын мой второй Васятка, вот как вас прямо зовут, помер в войну. А чем прокормлю то его, сама тоща. Гробик председатель сколотил мне, а он лехонький, я взяла его и понесла на кладбище. Выюга! Со мой бабы да сын Гришка. Горе-горе. А ишшо почтальон идет по дороге, али на молотилку али на мельницы, ишет кого – похоронка знать, и молилася, Боженька, только не мне, кому хошь, а не мне, – и стыдно так на других-то, а все молишь все одно, так вот отца и отмолила. Хромой, но живой вернулся – а больше ничего и не нать. А папка пропал наш, где-то под Ленинградом, под Петербургом пононешнему. А папка ох добрый был и придумщик. Как каку поделку сделает, одарит. Замуж выходила – сережки повесил мне. А как ходили мы с ним по грибы. Он да брат его старшой, дядя Степан, не зна как, а вот сушь стоит, к примеру, а они корзину грибов завсегда принесут. А лес чистый был, грибов ягод полно. Лес берегли, не мусорили тама. А по полю идешь так по тропиночке, трава скотине то. А под деревней родник у нас был, там деревом обделано, ладно-красиво, черпачок берестовый завсегда. Щас то народ ругастый какой, смотришь, и понесла мат-перемат. У нас на деревне слово плохого никто не скажет. Не курил никто. А кто и не пил совсем, вот дядя Степан, да дед мой, ни капельки. Муж мой, так он до свадьбы, почи тай до двадцати годов и не пивал ни разу. А батя по праздникам тока, да и не пили стока, выпьют чутка и веселятся под гармошку, песни поют, частушки, пляшут. Все своё было, еда своя, одёжа своя. Каждая минута занята. Отец баловал, а и работал. С семи годов уже больша, уже с матерью жать ходила. А грибы, ягоды, травы каки – так завсегда на детях. В вечер сидишь на завалинке, у отца на коленках, соту медову посасывашь, кто по улице идет, завсегда здороватца, и мы им в ответ. Лучшей всего у отца на коленках сидеть. А то дядя Степан придет, гостиниц какой принесёт, да хоть яблочко, а завсегда. Дядя Степан вообще работающий был, я так его не помню, какое-то пятно большое перед глазами, а батя говорил первый работник на деревне, а сослали его за то, что мельница была, раз мельница значит кулак, а какой кулак, когда все своим потом, с отцом да братьями построил? Погнали их с деревни, всю семью, семь человек, и сгинули все. В чисто поле зимой вывезли цельный поезд таких как он, говорят стройся, все и сгинули от работы да голода. Одна Прасковья осталась, приезжала к нам и все рассказывала, а мы все сидели и плакали, и дед плакал, и отец с братьями, прямо при нас при детях, я крепко запомнила – любили его все очень. А Прасковья побыла да съехала, чужа кака-то приехала, и мы все ей чужи, хоть и звали её, а не осталась, так и сгинула. А може жива. Дай Бог. А Гришка в войну заболел как плохо. Доктор приехал, а что сделает-то? Я и ходила за ним, и корову тогда продала, – Васятку только похоронила, батя помер, мать хворат. Как жить думаю. Отвары какие-то давала, мази, как корову продала, кормить сильно стала, поила, тем и спасла. А как вырос после войны в кузню пошёл, все смотрела – сам маленький, а руки толсты, ноги толсты, грудь вперед, и вспомянула, неужто со щепочки малой сделался таков.

За одно Боженьку не устану благодарить, что муж мой вернулся с войны с немцем проклятым. Доченьки мои родились, одна, вторая, а я мальчишку хотела, вроде как заместо Васятки, так загадала, что ли. Реву, сестра говорит, дура ты дура, девки рожаются, войны не будет, радуйся, а я смеюся и плачу, все вспоминаю, как гробик несу, к себе прижимаю, а он легонький.

Кладбище

На обочине шоссе вышел из искусственной прохлады салона в жару, пыльную, пропитанную парами дизеля, искореженную грохотом колонны самосвалов. Закинул за плечо сумку с рассадой цветов и водой, через арку красного кирпича вошел под сень тополей.

Вспомнилось, как был здесь последний раз зимой. Прошел арку и остановился, предчувствуя чудо. И восхищение чудом пришло. Высокие деревья в снегу с черными колесами вороньих гнезд на ветвях. Деревянные кресты, каменные фигуры, плиты, вороньи ограды в пышном снегу. Пушистый, в редких следах длинный прямой путь среди могил. Каркал ворон. О, какая величественная красота! Час я бродил среди заснеженных деревьев, на продутом ветром поле и редких, возвышенных людей. И не было никаких глубоких размышлений о смерти, воспоминаний о боли, мыслей о неизбежном. Только любованье красотой. А смерть только придавала подлинность этой красоте.

Шум автомашин затоптали подошвы в тихую дорогу плит, затерла листва. Воздух горько пах тополем. Справа и слева, в густой тени, с ослепительными всплесками солнца, каменные плиты с фотографиями, яркие высокие цветы, редкие фигуры сутулых статуй, деревянные и металлические кресты, трава в рост человека заброшенных погребений. В тени движутся моим шагом, внимательно разглядывают солнечные пятна, как живые глаза.

Я заблудился, ходил среди чужих могил и чувствовал, как печаль кладбища вбирает меня. Шел под палящим солнцем открытого поля тысяч могил и по сырым земляным дорожкам в тени деревьев. Вскрикивали сороки, хрустели крылья. Стучала лопата о землю. Пахло то хвоей, то липой, то травами на солнцепеке.

И я сильно жил, ощущая единение моей тоски и спокойной красоты кладбища.

Усталый, спокойный я пришел к их ухоженной могилке. На каменной плите, как в моей душе, рядом, выбиты в камне их лица. Перед плитой цветочный ковер, заботливо посаженный отцом.

Протер влажной тряпкой лица. Источившиеся от времени, они растворились в граните и постепенно пятнами проступили ярче и сильнее.

Я сажал свои цветы. Поливал. Сидел, смотрел в их светлые на черном камне лица. Зачем-то рассказывал им о правнуках. Плакал. Смеялся, как баба ругала меня за вырванный горох, а после жалела. Как втроем обирали куст смородины, и они переругивались от тесноты.

Вглядывался в их лица. Ничего не понимал про жизнь. Только вспоминал, как они звали меня маленького всегда по имени, Васенька. А больше никто и никогда. Теперь уже навсегда никогда.

Хотелось пить, я отпил из бутылки самодельного темного кваса, приготовленного женой отца.

Сидел на скамье у бани, завернутый в простыню. Пил из бокала, как говорила бабушка про кружку, холодный кислый квас, иголки бревен покалывали спину, но было легче терпеть, чем пошевелиться расслабленным телом. Лениво отвечал невидимому деду, который что-то мастерил на верстаке под навесом за баней, как учусь в университете. Он снова спрашивал, трудно ли мне, хорошие ли преподаватели, какой предмет больше прочего нравится. Я отвечал, пил холодный белый кислый квас, думал о бабушке, которая сейчас печет блины, расставляет на столе ватрушку размером с пирог на деревянном подносе, глубокую тарелку с белым гусиным пером, затопленным янтарным подсолнечным маслом с крохотными шариками пузырьков воздуха, стеклянную вазочку с зеленым липовым медом. Вспомнилось, как приехал, и бабушка прижалась ко мне, плакала и долго-долго не отпускала. А потом говорили, как вырос, каков молодец, вспоминали, как покусали меня пчелы, поднялась температура и меня возили к доктору... Последний глоток (с сожалением, в кружке нет, а идти надо в дом и тяжело и жарко

и хочется отдыхать телом, прислонившись к покалывающим спину бревнам) кислого кваса, которого мне уже никогда не пить, от того, что как бабушка умела, так никто не сделает. Вспомнилось, как в тот приезд я больно ощутил, как они любят меня, но сильнее, искреннее, того мальчика, который приезжал к ним, а я для них любимый, но все же чужой, взрослый парень, и они, любимые мной, уже не те, прежние, кем были, и та любовь, она ушла навсегда и никогда в жизни мы не будем близки как тогда, в прошлом, в те летние месяцы детства. Обида на них, на время, мешала мне радоваться искренне той последней встрече. А через несколько лет один за другим дедушка и бабушка умерли, и это знание, что любят они не меня, а меня в детстве, знание, что при новой встрече, мы никогда не были бы столь родными, какими были в нашем прошлом, помогли пережить их уход. Но сейчас, не только детская любовь, но и та встреча, когда мы признавая и не узнавая друг друга, все же стремились вернуть то прошлое счастье, и даже то чувство разочарования, от того, что мы отчуждены временем, сейчас все соединилось в драгоценную память, как пыльца с горьких и сладких цветов претворена в удивительный мёд.

Слушал в машине их песни моего детства и проживал счастье боли от того, что они были, что умерли, но со мной.

Почувствовал, что я не рабочая машина, не воспитатель, не похотливое животное, а еще и нечто сверх, что может ещё страдать о давно умерших и принять светлым даром боль, может жить в неразумной, больной, но возвышенной тоске.

Я шел от машины и знал, что лучше прожить этот день не мог. Ни с детьми, ни с женой, ни с родителями или друзьями.

Только с ними.

Только так.

Свадьба

Рано утром мы сели в пахнущую бензином старенькую «Ниву», за руль жена отца (сводный брат возил молодых). Мы припарковались в колонне машин вдоль забора, прошли к распахнутым голубым воротам, где толпились люди. Отец представлял меня, я пожимал руки, мы постояли, послушали разговоры и вернулись в машину. В колонне автомобилей мы ехали по главной улице, вдруг одна машина начинала сигналить, и словно маленькие дети, когда закричит один, крик подхватывает другой, третий – так вся колонна разрывалась криками гудков, как детсадовская группа, медленно успокаиваясь, с резкими всхлипами, наступала тишина, и снова шумели на село.

Свернули на узенькую улочку, долго переваливались на ухабах, остановились у красного кирпичного дома в три этажа с белыми окнами. Раскаленным металлом белеет на солнце покапавшая крыша крыльца из рифленого железа, словно полукруглые русла ручьев, разделенные дамбами. По карнизу крыши крыльца трепещут на ветру искусственные цветы, воздушные шары, а один розовый шар на длинной нити с каждым порывом салютует в небо. На красной скучной стене украшенное крыльцо как ослепительный свет фар из темноты, как в скудный день звонок любимого человека.

Мы с отцом двигались в хвосте очереди по лабиринту дома. Где-то впереди бодрый девичий голос, как рыбак за удочку с легкой издевкой ловил жениха «женишок, а которого числа вы познакомились, помнишь?», «а в чем она была одета?», «а какие ей любимые цветы?» Неразборчивые мужские голоса что-то отвечали, гремел хохот, аплодисменты, а девичий голос, поймав на вопрос, ликовал «ошибочка вышла у вас здесь, женишок, просим свидетеля монеткой откупиться». Отец иногда представлял меня то одному, то другому человеку, я пожимал руки, и мы семенили дальше, до гостиной, где выглядывали на цыпочках из-за голов алое лицо невесты в темно-русых завитках волос. После медленно выходили, стояли во дворе перед крыльцом, мужчины курили, ждали, когда отъедут жених с невестой. Опять рассаживались по машинам и долго молча ехали, слушая, как перекрикиваются автомобили свадебного кортежа. Выйдя у двухэтажного здания с российским флагом, долго стояли толпой продавцов букетов в тени высоких елей. Поднимались по лестнице, рассаживались на стульях в зале, следили, как под музыку входили молодые, как в тишине, шелкавшей фотоаппаратами, отвечали «да.» Жена отца рядом со мной всхлипывала в платок. Отстояв в цветастой очереди, мы подали молодым букеты. Жених и невеста улыбались, слушали поздравления, кивали и передавали стоявшим сзади родителям цветы, завалившие столы за ними.

Снова садились и недолго ехали, оглашая округу непрерывным гудением. Вылезали из автомобилей, хлопали жениху, который перенёс на руках невесту по мосту, смотрели, как молодожёны крепят к пруту ограды замок со своими именами. Вновь садились и вновь ехали и говорили, что с молодёжью на Горку ехать не стоит. Выходили на площади у посеребрённого десятиметрового солдата в плащ-палатке, с каской в согнутой правой руке, с опущенным к сапогу автоматом в левой, склонившего голову вниз, к горящему пламени в пятиконечной бетонной звезде. Молодые в тишине, так что было слышно гудение на ветру пламени, поднесли к вечному огню цветы, поклонились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.